Сорок калик

Ай на гора́х-то, гора́х-то высокиих,
А на те́х же на гора́х да увалистых
Собиралисе калики да перехожия,
А перехожи калики да переброжия,
А сорок ле калик со каликою,
А молилися ле Кресту да Спасителю.
«А хто из нас, братцы, да заворуетця,
А еще да хто из нас, братцы, за блудо́м пойдёт —
А не ходите не к царю, не к царице же
Не с той с просьбой великой,
А судите такова́ нонеча своим судо́м:
А копайте такова́ в землю до пояса,
А язык оттягнуть его теменем,
А ретиво́ ле серцё — межу крыльцами».
Ай помолились Кресту да Спасителю,
А брали сумочки сафьяные,
А пошли по дорожецьки широкое.
А день ли идут оне, второй идут,
А подходят ко городу стольнему Киеву.
А повстречаёт им навстречу Владимир-князь,
А Владимер ли князь был стольне-киевский.
Он поехал за охвотою к синему морю,
А за тема за гусями, за лебёдушками.
А увидел ле князь всё калик он,
А увидел-де князь, с ими поздоровкался:
«А уж вы здравствуйте ле, калики перехожия,
А перехожия калики, переброжия!
А спойте ле, калики, про Еленьской стих,
А навеку ле я про стих не слыхал про его!»
А становилисе калики во единой круг,
А втыкали калики да всё копеецька,
А вешали сумоцки на копеечка,
А стали калики во единой круг,
А запели-закричали про Еленьской стих.
Оттого ли древа́ да пошаталися,

А сине бо морюшко всколыбалоси,
А спели-сказали про Еленьской стих.
А говорил ищё князь таковó слово́:
«А вы зайдите, калики, в стольней Киев-град.
А заходите в палаты мои белокаменны,
А заходите в палаты к молодой моей жене,
А Настасьюшке нонь да королевичьной —
А заходите ле к ней хлеба-соли есь,
А хлеба соли ись да пива с мёдом пить».
А на то ли нонь калики приослышались,
А поклонились князю-ка стольне-киевскому,
А пошли ле нонь в стольне Кеев-град,
А идут оне по городу ширинoцькой,
А подошли нонь к полатушкам белокаменным,
А не к тому ли дворецку государеву,
А становилисе ле калики под окошецьком,
А попросили как у ей нонеча милостыню.
А услышила ле Настасьюшка королевная,
А отворила окошечко нонь кра́сно же,
А высунулась она до поеса,
А говорила ле Настасьюшка таковы́ слова́:
«Ах вы ой еси, калики перехожия,
А перехожи вы калики да переброжия!
А заходите ле ко мне во светлые гриднюшки,
А заходите ле ко мне хлеба-соли есь,
А хлеба-соли ись да пива с мёдом пить!»
А на то ли нонь калики приаслышились,
А заходят-де в полатушки белокаменны,
А заходят ли во гринюшки столовыя.
А крест тут ле кладут да ле по-писа́ному,
А поклон ле они ведут по-уче́ному,
А поклонились ле Настасьюшке-королевныи.
А закричала Настасьюшка-королевна же:
«Ах вы ой еси, слуги мои верныя,
А верны вы слуги неизменныя!
А становите ле столы да всё дубовыя,
А накрывайте ле пищу да всё саха́рную,
А не те ли напиточки были пьяныя!»
А становили ле столы они скоро-на́скоро,

А накрывали они пищи да всё са́харныя,
А те ли ноне напиточки всё пьяныя,
А поила ле кармила чем надобно,
А подавала ле напиточки пьяныя.
А увидала княгинюшка-королевная
Она Михайла Михайловица удалого,
А пригленулся Михайлушка, доброй молодец,
А стала его звать да в особенну,
А в особенну да в покой в белокаменной.
А пошол и ле Михайло да нынче в комнату,
А во ту ле во гринюшку во столовую,
А не в ту ле нонь в спальню во украшенну.
А повалил он на кроваточку дубовую,
А на ту ле на периночку пуховую,
А пухову периноцку шолко́вую,
А сама она легла да на кирпищету печь.
А во второ́м часу ночи да случилосе —
А слезла нонь с печки со кирпищетой,
А легла она ле на кроваточку ему дубовую,
А на ту ли на перину да пуховую,
А пухову ле периноцку шелко́вую.
А накинула руцьку да ноньчи праву же,
А накинула ножецьку как праву же,
А прижала его к сердечку крепько-на́крепько.
А говорил ле Михайло да сын Михайловичь,
А говорил ле кнегинушке таковы́ слова́:
«Ох ты ґой еси, Настасья, да королевна же!
У нас положена заповедь великая:
А хто из нас, братцы, да заворуетця,
А еще кто из нас, братцы, да за блудо́м пойдёт,
Не щади-тко того, крепко казнить того,
А язык его тегнуть да ле во теменем,
А ретиво нонь серцё — промеж крыльцами».
А говорила ле кнегина-королевная:
«Ох ты ґой еси, Михайло да сын Михайловиц,
А ты останьсе ле у нас да в услуженьицо,
Ты останься у нас нонь да ключьницьком,
Да ключьницьком да замоцьницьком,
А во тех ли погребны́х да целовальницьках.

А я тебе положу жалованье сколько же надобно,
Я положу тебе жалованье да не малое же,
Я чётыреста рублей тебе в месец же».
А говорит-то калика таковы́ слова́:
«А не на што я ето не согласен же:
А нам сходить впредь к синему морюшку,
А в синем мори́ да покупатисе,
А во плаку́нь-траве́ нам нунь покататисе,
А ко святым ко мощам нам приложитесе!»
А на то ли кнегина приогневалась,
А скочила ле с кроваточки дубовыи,
А заскочила на печку на муравлёнку.
А от того ли от гневу от великаго
А сказала слуги́ своему верьному:
«А возьми-ко-ся, слуга, ты ету братынечку,
А братынечку возьми да всё серебрену,
А без которой братыни князь не ест, не пьёт,
А засыпь ле Михайлушку в сумочку!»
А на то ле слуга приослышилса:
А взела ле нонь да всё братынечку,
А поло́жил ле в сумочку Михайлушко.
А стали калики утром перехожия,
А умывались они да ключевой водой,
А утирались да они да полотенышком,
А надевали сапожочки да всё козловыя,
А надевали все шубочки да куньи же,
А брали-де сумочки да сафьяны же,
А помолилиси иконы, право Божьей же,
Благодарили кнегинушку-королевныи:
«А за тот ле за прием да накормили нас,
А накормила да напоила всё допьяна,
А дала ле нам приют да всё хороший же!»
А выходят нонь из гринюшек да столовых же,
А пошли да по дорожецьке широкои.
А день-то они идут да друго́й иду́т.
А приехал ле князь да стольне-киевской,
А от того ли он морюшка от студёнаго,
А не с той ли охвотушки тежолой.
А поставила кнегинушка-королевная же

А на те же на столы питья́-кушанья,
А говорит ли еще кнегина да таковы́ слова́:
«Ето были калики да перехожия,
А перехожи да калики да переброжия, —
А покрали у тя братынечку серебрену,
А без которой ты братынечки не пьёш, не еш!»
А на то ле нонь князь приослышился,
А потребовал Але́шеньку Поповиця,
А говорит-то Алёшеньке Поповицу,
А говорит еще́ ле да таковы́ слова́:
«Ето были ле калики да перехожия,
А перехожи ли калики да переброжия, —
А покрали у меня братынечку серебрену,
А без которой братыни не пью, не ем,
А поезжай-ко скорей за сугоночкой,
А отбери у их братынечку серебрену!»
А седлал ли он, уздал коня доброго,
А седлал ли, уздал да скоро-на́скоро.
А видели: Алешенька в стремена ступил,
А видели ле: Алеша на коня скочил —
А не видели ли поездки да богатырьское,
А богатырьской поездоцки да молодецькоей,
А только видят: в цистом полюшки курева́ стоит,
А курева́ ле стоит, да пыль столбо́м вали́т.
Он ли бьёт коня по тучны́м ребра́м,
А под им ле нонь конь да россержаётця,
От земли ли он от матушки розделяётця,
А едет ли Але́шенька скоро-на́скоро.
А завидел ле он калик перехожиих,
А перехожих ле калик, переброжиих,
А закричал ле Алеша во всю го́лову:
«Ах вы ґой еси, калики да перехожия,
А перехожи вы калики да переброжия!
А вы покрали ле братынечку серебрену,
А без которой братынечки князь не ест, не пьёт!»
А на то калики приёслышились,
А становились ле калики в единой круг,
А прилетел ле Алешенька Поповичь же,
А говорил Олеша да таково́ слово́:

«А вы покрали братынецку серебрену,
А без которой без братыни князь не ест, не пьёт!»
А на то ли калики приагневались:
А схватили Алёшу за желты́ кудри́,
А давали Алёшеньке по тяпышу,
А ещё ли прибавили по ёлабышу,
А посадили ле Але́шеньку на добра́ коня —
А поехал ле Алёшенька не по-старому,
А поехал ле Алёшенька не по-прежному.
А подъезжает Алёша в стольне Киев-град,
А не к тому ли он дворцу государеву.
А встречает ёго да князь да стольне-киевской:
«А што же ты, Алёшенька, не по-старому,
А не по-старому приехал, не по-прежнему?» —
«А схватили меня калики за желты́ кудри,
А снимали у меня да все подштаницьки,
А давали нонь мне-ка по тяпышу,
А ище ле нонь прибавили по олабышу».
А говорил ле нонь князь да стольне-киевской:
«Ты сама нонеце крепко виноватой же:
А поступил-то не по-уче́ному,
Обремизил удалых добрых молодцов.
А послать лучше Добрынюшу Микитичя:
А Добрынюша был роду хорошего,
А хорошаго роду да благородного —
А может ли Добрыня съех’ть-съехаться,
А может ли Добрынюша поклон им воздать,
А поступить ли с има да нонече вежливо!»
А седлал ле он, уздал коня доброго,
А седлал ле, уздал он скоро-на́скоро,
А видели ли Добрыня в стремена ступил,
А видели ли бы Добрынюшу: на коня скочил —
А не видят ли поездочки богатырскоей.
А поехал Добрынюша скоро-наскоро,
А объеждяет он калик перехожих же,
А перехожих калик он, переброжих же,
А слезыва̄т с коня да низко кланелса:
«А уж вы здравствуйте, калики перехожия,
А перехожи вы калики да переброжия!

А я спрошу ле-й у вас, всё поведаю,
А случилось теряжа да всё немалая:
А братынечка ле утерялася серебрена,
А без которой братыни князь не ест, не пьёт;
А не попала ле к кому из вас в сумочку?»
А стали ле калики во единой круг,
А втыкали копеичка во сырý землю́,
А вешали как сумочки сафьянныя,
А сделали как обыск как в сумочках,
А перебирали ети сумочки-й у кажного.
А стали искать да у Михайлушка,
У Михайла Михайловица-й удалого —
А нашли ле братынечку как в сумочки.
А говорят ле Михайлу да нонь Михайловицу,
А наказание ему дали всё великоё:
А копали его в землю до поеса,
А язык-то оттегнули его теменем,
А ретиво́ ли серцё — межу крыльцами.
А отдали ле братынечку серебрену —
А поехал ле Добрынюша скоро-на́скоро,
А пошли ле калики в передню путь.
А где ходят не ходят — всё к ему придут:
А утеролся у их путь — ныньче ходу нет
А кленулись перед ним — напрасно же,
А напрасно ле наказали всё.
А кленулисе всё об ём да крепко же —
А отпустил их Михайло да сын Михайловиць,
А не к тому ли ноне морюшу глубокому.
А в плакун-траве они пакаталисе,
А во синем мори да нонь покупалисе,
А ко светым ле мощам да приложилисе,
А пошли ноньче калики да все в обратну путь.
А день-то идут, как другой идут —
А подходят ко граду да стольне Киеву,
А не к тому ли ко дворцу государеву.
А становилисе калики во единой круг,
А говорили ле калики да таковы́ слова́:
«Ах ты ґой еси, кнегинушка-королевная!
А для тебя Михайлушка наказали же,

А напрасно мы его наказали же:
Ты, наверное, братынечку с намерением подсунула».

(Тут все и объяснили. Тут дальше и не знаю, что с ей государь-то сделал. Дальше и не помню.)

(Зап. А. М. Астаховой 25 июля 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.)

РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.